

СВЕТЛАНА СУРИКОВА

Счастье моё

Светлана Сурикова

Счастье моё

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сурикова С.

Счастье моё / С. Сурикова — Издательство «Четыре», 2026

ISBN 978-5-908132-03-9

Иногда одна строчка песни, старый билетик или бумажный кораблик помнят о нас больше, чем люди. Это книга о детстве, не всегда комфортном, но неизменно живом. О страхе темноты и о смелости, о первой вине и первом прощении, о взрослых, из-за которых нам приходилось взрослеть слишком рано. Рассказы написаны для детей старшего возраста, подростков, но особенно точно они попадают во взрослых – тех, кто однажды уже был ребёнком и всё ещё носит это в себе. Эта книга не учит «как правильно». Она бережно возвращает читателя к самому себе – туда, где сердце впервые научилось чувствовать. Для семейного чтения.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908132-03-9

© Сурикова С., 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Когда сердце ещё помнило дорогу	6
Счастье моё	7
Тюбетейка с хвостиком	9
Папамушта	11
Этюд Ботвинника	13
Бусинка	16
Кораблик	18
Сработало	20
Баю-баюшки-баю	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Сурикова Счастье моё. Сборник рассказов

издательство

ЧЕТЫРЕ

© С. Сурикова, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Когда сердце ещё помнило дорогу (О книге, которая возвращает к себе настоящему)

Рассказы сборника «Счастье моё» звучат тихо и честно. В них нет громких заявлений и готовых ответов. Всё начинается с простых деталей: запах дождя во дворе, скрип двери, тёплая батарея в подъезде, холод стеклянных бусин на шее. А потом приходит узнавание – будто вспоминаешь то, что давно было прожито, но со временем оказалось забыто.

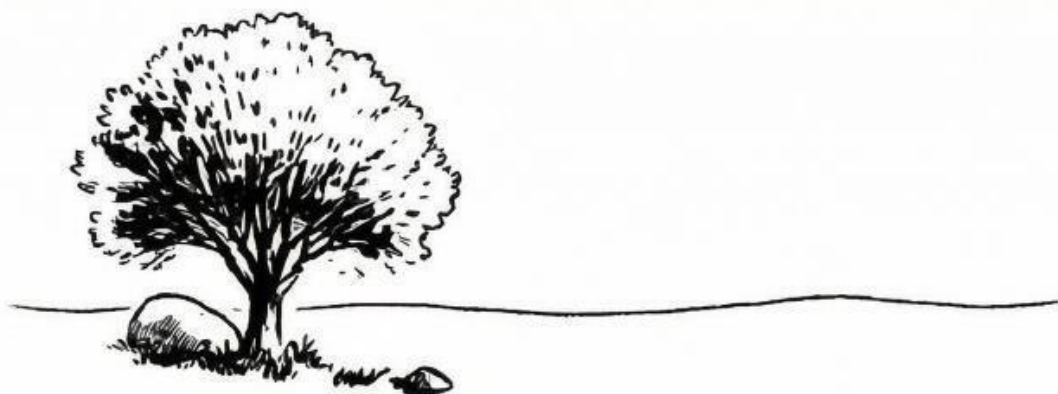
Каждая история – как возвращение в детство. Мир здесь показан детским взглядом – прямым и открытым. Без оправданий и объяснений. Поэтому рассказы так откликаются взрослым: в них узнаётся не возраст, а состояние, когда чувства проживаются полностью и по-настоящему.

Герои сталкиваются со страхом, виной, утратой, неловкой радостью – с тем, о чём редко говорят вслух. Автор не поучает и не подсказывает выводов. Читателю доверяют самому прожить эти истории. И в этом чувствуется уважение.

Эта книга для тех, кто вырос, но всё ещё помнит, как остро чувствуется несправедливость и как важно, чтобы тебя заметили. Она мягко напоминает: дорога к себе никуда не исчезла – нужно лишь остановиться и прислушаться.

Читая, ловишь себя на тихом внутреннем отклике. И книга становится не просто сборником рассказов, а разговором, который давно хотелось начать.

*Наталья Каверина,
литературный редактор
издательства «Четыре»*

Счастье моё

Стекло-бетонный город-монстр нападает со всех сторон.

Безликий и страшный, он давит, сжимает, уничтожает, вынуждает бежать.

Бежать туда, где родился и вырос: во двор-колодец с раскрытым окном на первом этаже, в квартиру с трёхметровыми потолками, добротной послевоенной мебелью, книжными полками и старым механическим патефоном на низком, широком подоконнике.

– Сколько же ты видел на своём веку, Патефон Патефоныч, радости и печали, сколько ссор и конфликтов сумел погасить...

Рядом потемневшая от времени приоткрытая картонная коробка – в ней стопка грампластинок в пожелтевших, с потёртыми краями конвертах.

Я вынимаю верхнюю – самую заезженную – старое, довоенное, любимое родителями танго.

Шестьдесят лет вместе... Живут ли столько?

От телефонного звонка я вздрагиваю, роняю пластинку на пол: стойкая, не впервой.

– Доча, я сотовый потеряла, а скоро будет звонить папа, мне соседка по палате свой дала, тебе сообщить. – Мамин голос дрожит и вот-вот сорвётся на плач.

– Мам, так ты с него набери, и твой телефон отзовётся.

– Я номер забыла, а записку с цифрами, что ты написала, потеряла, хорошо, что твой вспомнила. Ты уж сама набери, а я услышу, где он. Я набираю номер маминого телефона, прислушиваюсь:

*«Счастье моё я нашёл в нашей дружбе с тобой,
Всё для тебя – и любовь, и мечты.
Счастье моё – это радость цветенья весной,
Всё это ты, моя любимая, всё ты».*

– Ой, это папа звонит, – слышу я мамин голос, – а телефон под подушкой прячется.

Папы не стало месяц назад. «Уходя», он успокаивал маму, обещал звонить «оттуда» и петь их любимое танго. А она поверила и стала ждать. С мобильником в руках она кружила по комнатам, натыкалась на стены и ждала, ждала, ждала...

Я, не выдержав этой пытки, поставила ей на телефон рингтон с их любимым танго. Теперь утром и вечером, когда я звонила, она оживала, думая, что это папа, без умолку что-то говорила в трубку, спрашивала, отвечала, улыбалась, сердилась, прощалась до утра или до вечера и опять ждала. Частенько молча кивала в трубку или рассказывала о том, что произошло за день, и всё время просила дождаться её – обещала поторопиться.

Потом обмороки, сердце, больница.

– Доча, придёшь навестить, позвони – я тебя встречу.

Остановившись перед палатой, я набираю мамин номер:

*«Счастье моё – это радость цветенья весной,
Всё это ты, моя любимая, всё ты»*

– доносится из-за двери.

В палате пусто, на металлической сетке кровати свёрнутый рулоном матрас, на прикроватной тумбочке играющий мелодию телефон, под ним записка: «Я ухожу к папе, скоро мы опять будем слушать наше танго вместе... Я буду звонить тебе, доча...»

В доме родителей я подхожу к патефону, ставлю пластинку, с обеих сторон которой нанесены непрерывные канавки в виде спирали, кручу ручку пружинного двигателя. Диск раскручивается по часовой стрелке, игла бежит по изношенной дорожке от края к центру, вибрирует, передаёт движение мембране, раздаётся шипение, и волшебный голос – чистый и глубокий, словно ручей, – льётся с пластинки:

*«Счастье моё, посмотри – наша юность цветёт,
Сколько любви и веселья вокруг.
Радость моя, это молодость песни поёт,
Мы с тобой неразлучны вдвоём, мой цветок, мой друг».*

Я возвращаюсь в свой холодный многоэтажный город, но сердце оставляю здесь – в тёплом родительском доме.

И я устанавливаю себе этот рингтон.

Тюбетейка с хвостиком

– А потом наступит темнота...

Темнота – это когда умирает свет и образуется пустота, в которой тебя нет.

Именно это страшит меня больше всего.

Я знаю, что это случится осенью.

Осень...

Какая она?

Злая, наверное...

Внешне я совсем не похож на своего прародителя – могучего, рукастого великана. По сравнению с ним, я – заморыш. Да ещё эта смешная тюбетейка с хвостиком, которая напрочь срослась со мной.

Я ещё очень юн, и мне любопытно узнавать жизнь.

Весной на ветках дуба пел соловей.

Ах, как давно это было.

А недавно я подружился с его птенцами – смешными, прожорливыми комочками. Скоро они оперятся и улетят.

Я знаю, что перед пугающим мраком меня тоже ожидает полёт. Это очень страшит и одновременно волнует.

Быть может, ради этого полёта я и живу?

Это тоже должно случиться осенью.

Осень...

Какая она?

Для меня – загадочная.

Ожидание полёта волнительно.

Скоро... совсем скоро...

Достаточно несколькими каплям дождя попасть на мою незамысловатую шапочку, или одно неловкое движение ветра – и тогда...

– А-а-а-а... Ветер, незаметно подкравшись, похитил мою тюбетейку.

А я???

Я – лечу-у-у... И этот полёт – длиною в вечность...

Или всё-таки – миг?

Мягкое приземление, уютное тепло земли и тишина.

Где-то вверху, нащёптывая мне колыбельную, шелестит листвой моего отца ветер, а сорванные им листья, словно ватным одеялом, укутывают меня от невзгод.

Волны сна нежно укачивают меня... мягкая истома... хочется спать... всё медленнее и медленнее проносятся знакомые образы сбивающихся в стаю птиц.

Время замедляется и застывает.

А руки-ветви родителя в последний раз убаюкивающе опускаются ко мне, но с новым порывом ветра опять устремляются в бесконечность.

А потом наступает темнота. Но она уже не пугает меня, как прежде.

В проблесках ещё мерцающего света я вижу себя плечистым дубом и, засыпая, успеваю попрощаться с собой прежним – смешным, в тюбетейке с хвостиком, наивным, маленьким жёлудем.

Осень...

Теперь я знаю, что ты – волшебница!

Патамушта

В школу Вовка прибежал самым первым, переступал с ноги на ногу в тонких резиновых кедах, тёр ладошками замёрзшие уши, ждал, пока школьная уборщица баб-Маша открывала входную дверь, и бежал к горячей чугунной батарее. Опускался на колени, прижимался щекой к рифлёной поверхности и согревал руки, которые не знали варежек.

Потом мальчик мчался на второй этаж. Перескакивал через ступени, нырял в класс, садился за дальнюю парту возле окна, доставал из потрёпанного портфеля библиотечную книгу и погружался в мир приключений. Вместе с изворотливым Томом и простодушным Гекльберри Вовка успевал до начала урока покрасить забор тётушке Полли и прополоть сорняки на грядках с морковью.

Учителя относились к Вовке по-разному: одни жалели, другие недолюбливали. Школы для УО – умственно отсталых, – конечно же, имелись, а это клеймо за Вовкой закрепили сразу. По арифметике мальчика хвалили, но вот в устных предметах «достучаться» до него было невозможно. Слово по длинному коридору, ребёнок уходил внутрь себя и наглухо захлопывал за собой дверцу. «Глухо, как в танке», – говорили учителя и качали головой. Районные комиссии разводили руками и мучения с Вовкой оставляли на плечах школьных учителей.

В школе Вовке нравилась столовая, где мальчика бесплатно кормили обедом. Каждую неделю учительница выдавала талончики на питание, которые Вовка прятал дома на крышке старого шкафа. Там же лежали и другие богатства – старый оловянный солдатик, ржавый перочинный нож и разбитый компас без стрелки.

Школьная повариха выделяла Вовку: супа наливала щедро, через край, а если в кастрюле что-то оставалось, давала добавку. Вовка ел впрок, но через пару часов опять испытывал чувство голода. Ещё в столовой ребёнок запасался хлебом, большие ломти которого лежали в углу на подносе возле раздачи. Этим хлебом Вовка ужинал, если только родители не находили припасы первыми.

В субботу дети учились, и только в воскресенье, которого так ждали одноклассники – но не Вовка, – школа закрывалась на выходной. В этот день мальчик тоже питался школьными припасами.

Ещё ребёнок мечтал о бабушке. В мыслях Вовка ехал на длинной зелёной электричке в глухую деревню, а сухонькая старушка с морщинами на старческом лице, улыбчивая и добрая, ждала внука на платформе. В мечтах мальчик организовал в деревне отряд, как у Тимура, помогал слабым и больным, любил и заботился о бабуле, которой у него сроду не было.

Мальчик знал, что мамка с батей из одного детского дома. Мамку нашли на вокзале – малышку «забыли» на скамейке в байковом одеяле, а батю отобрали у цыган, что ходили по электричкам и просили милостыню.

Временами, когда родители принимались воспитывать сына, то рассказывали, что лично их выбросили на помойку, как заплесневелую горбушку чёрного хлеба, и потому Вовка должен им в ноги кланяться и радоваться, что с ним не поступили так же. Вовка радовался, но в трудные минуты жизни мысленно прижимался к бабуле и делился с ней горестями да печальями.

Уроки Вовка делал в подъезде, потому что в квартире всегда были гости. Между вторым и третьим этажами под широким подоконником проходила жаркая батарея, и мальчику было там тепло. С подоконника просматривался двор с детской площадкой, песочницей и качелями для малышни, длинным деревянным столом для доминошников и двумя скамейками на шатких столбиках. Ещё из окна он успевал увидеть, как приезжали органы опеки, и быстро прятался.

По лестнице вверх и вниз сновали соседи. Тихого спокойного Вовку они привечали, а родителей ругали и воспитывали. Вовке в такие минуты было стыдно. Иногда соседи угощали мальчика – кто пирожком, кто конфетой, а однажды бородач с четвёртого этажа положил на

подоконник дивный фрукт – банан в чёрной и скользкой кожуре. Вовка обрадовался, хотя фрукт ему не понравился.

Раз в году школа выдавала малоимущим семьям талоны на школьную одежду, ботинки и бесплатные учебники. Вовка талоны прятал, а когда родители были трезвыми, доставал, и все вместе, за руку, семья шла в «Детский мир», чтобы купить плотные брючки мышинного цвета и такой же пиджак, в котором даже зимой можно было быстро-быстро добежать до школы. Вовка в такие дни ходил счастливым.

Одежду мама брала на вырост. Костюм смотрелся на худом длинном подростке нелепо, но из него Вовка выросал уже к началу третьей четверти и опять выглядел несуразно, хотя на такие мелочи внимания никто не обращал.

На обратном пути семья заходила в закусочную, где Вовке покупали порцию серых, но любимых пельменей. Себе же родители брали вино и плавленый сыр. После первой рюмки мама плакала, вытирала рукавом застиранной кофты слёзы, жалела Вовку, ругала никчёмную жизнь и тут же за столом засыпала. Отец выпивал то, что оставалось в бутылке, вставал, с грохотом ронял стул и уходил, а Вовка тормозил маму:

– Ма, ну, ма... вставай, пойдём, здесь нельзя спать, ну, ма... – голос ребёнка срывался на плач. Затем сын перекидывал через худенькое плечо мамину руку и вёл домой.

Писал Вовка с ошибками, но не хуже других.

В конце учебного года задали сочинение на тему «Моя семья» и лучшие работы отправили в РОНО.

Вовка тоже написал:

«Маю симью называют праблемной патамушта родители алкаголики так все гаварят. Тока я их все равно люблю патамушта ани миня в детский дом ни сдали. там плохо. мамка с батей как водку выпют ругаются и дируются и мне пападает тоже я в школу часта в синяках хажу и тада миня жирафом абзывают патамушта длиный и в пятнушках. но дома все равно хорошо. Мамку жалко патамушта папка бьет и водку пить заставляет а я ее защищаю как магу но я маленький а папка большой и сильный а када трезвый то добрый и умный. миня научил шапку из газеты делать, как у буденого и клюшку из деревяшки сделал тоже. и самокат абищал када деньги будут.

Ищё читать люблю а сижу на калыме и учителя на миня внимания ни абрацают патамушта тупой и дибил я за дверью сам слышил как миня называют а при всех гаварят што асобный. мне все равно пусть себе называют как хотят а я проста заика но не тот который в лесу живет а патамушта говорю плохо. папка по галаве бьет сильно патамушта. все равно ево люблю. Вчера саседи вызвали апеку и миня хатели забрать но я спрятался. не отдавайте миня в детдом аставьте пажалуста мамичке патамушта с ней все равно лучше када она трезвая. Вова»

Вовкино сочинение в РОНО не послали.

В целом же жизнь удалась, считал Вовка, и радовался каждому дню.

Этюд Ботвинника

В нашем подъезде, прямо над нами, жил Вовка. Его семья считалась неблагополучной: родители пили, а когда денег на выпивку не хватало, отец вымещал зло на жене и сыне. Вовка часто приходил в школу с синяками.

– Алёш, меня тревожит твоё общение с этим мальчиком, – мама кивнула на потолок.

– Да, уж... – вздохнул отец. – Что из него выйдет? С такими-то родителями...

– А помочь ему можно, мам? – спросил я.

– Макаренко ты мой доморощенный. – Мама обняла меня за плечи. – Чем же ему помочь...

* * *

На десятилетие родители подарили мне шахматы. В складном деревянном коробе лежали изящные фигурки, покрытые лаком. Отец показал, как они ходят, разъяснил суть игры и вручил книгу с этюдами Ботвинника.

Чаще всего я разбирал упражнения во дворе на скамейке.

– Что за игра у тебя такая, научить можешь? – Я обернулся: за спиной стоял Вовка.

Я рассказал всё, что знал про шахматы, а потом мы играли до позднего вечера.

Утром он снова ждал меня на скамейке: его лицо и руки были в синяках и ссадинах. Всё лето мы с Вовкой сражались на равных.

– А у меня сегодня день рождения, – сказал Вовка, – только мне никогда ничего не дарят. Сегодня они опять напьются, – он вздохнул и кивнул в сторону своих окон, – и папка снова начнёт драться.

– Это тебе, – я протянул Вовке книгу с шахматными этюдами. – Можно играть без доски, в голове. И поздравляю тебя с днём рождения.

От неожиданности Вовка взмахнул рукой и сбил с переносья простенькие пластмассовые очки со сломанной, но аккуратно обмотанной синей изоляционной лентой дужкой. Шмыгнув носом, пугливо оглянулся на свои окна, и его влажные глаза с длинными густыми ресницами наполнились слезами. Он всхлипнул, словно собирался заплакать, наклонился, поднял с травы очки, протёр стёкла кончиком рубахи и дрожащей рукой водрузил их на нос. Со смущённой улыбкой на лице прошептал:

– Ёлки зелёные, – и спрятал книгу за пазуху.

Потом он ещё долго сидел на скамейке, с тоской смотрел на голые окна своей квартиры, ожидая, когда в них погаснет лампочка, словно голова змеи, свисающая с потолка на длинном тонком проводе.

Утром у нашего подъезда стояли машины: скорая и милицейская, а строгая тётка в тёмном костюме – мама назвала её соцработником – куда-то вела испуганного Вовку за руку. За плечами у него был тощий рюкзак, другой рукой он прижимал к груди книгу.

Папа сказал, что Вовкины родители отравились палёной водкой.

* * *

Я заканчивал школу, имел разряд по шахматам и участвовал в городских шахматных турнирах. На одном из соревнований с интересом наблюдал за сеансом одновременной игры. Долговязый парень в очках ходил вдоль столов с шахматными досками и быстро передвигал фигуры. Около одного он ненадолго задумался, аккуратно, за обе дужки, снял очки с круглыми

стёклами. Прищурил близорукие глаза с пушистыми, как у барышни, ресницами, потёр рукой переносье, потом улыбнулся и сказал:

– Вот же ёлки зелёные.

Положил фигуру короля на бок, поблагодарил соперника за игру, пожал ему руку и перешёл к соседнему столику.

Я узнал Вовку, окликнул, подошёл к нему. Мы оба обрадовались встрече, обнялись и разговорились. Вовка рассказал мне о своей жизни:

– Знаешь, в тот день, когда я увидел тебя с шахматами, родители собирались «на дело» – винный ларёк грабить, а я должен был стоять на стрёме, но заигрался и опоздал. Отец тогда избил меня сильно. До сих пор его ненавижу. Меня в детдом определили. Там прозвали Маугли – старшие били часто, но я только рычал и кусался, а затем разговаривать перестал. Меня психиатру показывали, лечить пытались, потом рукой махнули и забыли. А я говорить ни с кем не хотел, так проще жить было. Да и какой спрос с него?

Знаешь, я даже о самоубийстве тогда подумывал. Мне врач таблетки успокоительные давал, только я ухитрился их не глотать и накопил штук двадцать. Вот, думаю, проглочу их разом, засну, и никто горевать обо мне не будет – никому я в этом мире не нужен...

Я слушал Вовку и боялся пошевелиться. В горле пересохло, нестерпимо хотелось пить. Но я боялся отойти от него даже на минуту – а вдруг Вовка исчезнет.

– Однажды я у завхоза шахматную доску увидел – простенькую, из сложенного пополам толстого картона, и пластмассовые фигурки в серой коробке с оторванными углами. Завхоз сказал, что на такой сам Ботвинник играть начинал, и отдал её мне.

На Вовкином лице появилась счастливая улыбка.

– В моей голове тогда поселились шахматы. На воображаемой доске я выстраивал деревянные фигуры, и они оживали! Офицеры размахивали шпагами, пешки мечтали стать королевами. Я же был королём и от всех ждал защиты, ведь сам мог только шаг вперёд-назад или в сторону сделать, а в случае опасности за ладью прятался. В реальной жизни у меня и этого не было. Знаешь, Лёш, я когда с фигурами мысленно разговаривал, то о своих несчастьях забывал. Только шахматы и помогли выжить.

Вовка замолчал, отодвинул от стола стул, сел, лицо его напряглось, заходило желваками. Казалось, он вспомнил что-то страшное.

– Ещё у меня враг был – Серёга, из старшекласников. Я даже в столовке алюминиевую ложку стащил и заточку из неё сделал, думал: как он подойдёт – в живот пырну.

Как-то раз я расставил на доске этюд и заигрался, да так, что про всё на свете забыл и не сразу заметил, как ко мне Серёга приблизился. Я заточку в кармане нащупал, дышать перестал, приготовился, а он вдруг спрашивает:

– Как фигуры двигаются, можешь рассказать?

Я ему жестами игру объяснять начал, а он злится и в толк не возьмёт никак.

– Дурак ты, – говорит, – полоумный! Нормальному человеку разъяснить понятно не можешь! И игра у тебя дурацкая, для таких идиотов, как ты!

Разозлил он меня тогда, и за шахматы обидно стало. Я кулаки сжал, насупился, пятнами красными пошёл да как закричу:

– Вот же, баран тупой! Чего тут непонятного? У тебя просто мозгов нет! Ни капельки!

С минуту Серёга стоял в изумлении, а по мне пот от страха течёт, дрожу весь. Он как захохочет:

– Люди, я же психа ненормального от немоты вылечил! Да ещё и разговаривать научил!

– С тех пор Серёга стал меня опекать, – улыбнулся Вовка, – но в шахматы играть так и не научился.

– Знаешь, Лёш... – Вовка замолчал, снял очки, подышал на стёкла, протёр их носовым платком и, сощурился, сказал: – Все эти годы, незримо, ты был рядом со мной. В трудные

моменты я мысленно обращался к тебе за советом, думал, как поступил бы ты. И в шахматах я, когда сопернику проигрывал, тебя всегда вспоминал... Как ты руку мне пожимал, за игру благодарил. Многому я тогда у тебя научился.

Вот же ёлки зелёные...

Бусинка

Я жду Маньку, подругу детства. Мы не виделись много лет, и сегодня долгожданная встреча.

Смотрю на себя в зеркало. На шее холодным блеском переливаются мамины бусы из горного хрусталя. Они так похожи на льдинки сказочной королевы.

Вечером на пригорке мы с Манькой закапываем секретки. В свой я кладу бусину горного хрусталя из маминых парадных бус, подаренных папой.

Эти бусы притягивают меня магнитом. Глажу их рукой, дышу на них, надеваю, когда не видит мама. В них я кажусь себе королевой из сказки про Кая и Герду.

Однажды бусы рвутся и рассыпаются по полу – я собираю, а мама нанизывает их заново.

Одну бусину я незаметно прячу. Её грани играют холодным блеском, завораживают. Ох, нагорит, если мама узнает.

Я показываю эту стеклянную красоту девочкам во дворе: они вздыхают, смотрят сквозь неё на солнце. И завидуют, завидуют, завидуют.

– Ты обязательно должна её спрятать, – говорит Маня. – Ведь если мама узнает, что ты воришка – будет тебе по первое число!

– Неправда, слышишь, Мань! Бусинка сама закатилась! Никто и не заметил. А я просто взяла на время. Что такого? Ведь я не украла, – убеждаю подругу.

Но из страха перед мамой не могу держать бусину дома. Поэтому решаю положить её в свой секретик – так будет надёжней.

Утром, едва поднявшись, бегу на пригорок проверить своё сокровище. Копаю рукой рыхлую почву возле валуна – пусто. Секретик исчез! Что же я теперь верну маме?

Манька! Только она знала это место. Вот же гадкая какая, подлая! А ещё подруга называется.

Задыхаясь от гнева, бегу к ней.

Мне не удаётся дотянуться рукой до звонка, и я что есть силы, руками и ногами барабаню в дверь. Ну, я тебе сейчас покажу...

– Ты чего? – спрашивает Маня, открывая дверь, и отводит взгляд в сторону.

– Секретик! Мой секретик, где он? Украла? Из зависти? Противная, ненавижу, ненавижу!

Я замахваюсь на подругу рукой, но Маня отходит в сторону, а я проваливаюсь в дверной проём и падаю на пол. Подруга протягивает мне руку, я отталкиваю её, поднимаюсь.

– Никогда, слышишь, никогда больше не подходи ко мне! Ты мне больше не друг! – кричу я и выбегаю за дверь.

– Поймай! – Манька бежит за мной. – Может, ты место забыла?

– Пойдём. Вместе посмотрим, – зло отвечаю я. Мы возвращаемся на пригорок. Маня ведёт меня к валуну, но совсем к другому...

– Копай здесь, – говорит подруга.

Отбрасываю рыхлую землю в сторону – появляется краешек стёклышка. Значит, секретик на месте. Я счастливо улыбаюсь и снова укрываю его землёй.

Как я могла! Как могла подумать так о своей любимой подруге?

– Манечка, прости меня, прости. – Обнимаю ревущую Маньку, прижимаю к себе и трясусь. – Ну ладно, хватит уже, не реви. Я люблю тебя очень-очень. Знаешь, ты единственная моя подруга – на всю жизнь. Хочешь, я подарю тебе эту бусину, только прости меня.

Плачущая навзрыд Маня вдруг отстраняется, делает шаг назад. Кивком головы показывает туда, где зарыт секретик.

Я снова опускаюсь на корточки, отбрасываю землю, поднимаю стёклышко. Под ним, вместо бусины, лежит осколок бутылочного стекла.

Ревущая подруга протягивает руку и разжимает ладошку, из которой на траву падает моя хрустальная бусинка.

– Я просто очень-очень хотела этот волшебный кристалл, – шепчет Маня.

– Ты всё-таки украла, украла! – кричу я, размахивая руками. – А я ведь поверила! Ты...

Ты – гадкий мелкий воришка! Какая же мерзкая и лживая!

– А сама-то какая, а? Какая? Другая, что ли?

Маня садится на пригорок и, обхватив голову руками, плачет.

Я поднимаю бусину. Размазывая по щекам слёзы, плетусь черепашьям шагом домой к маме. Сдаваться.

Что она скажет? Как теперь быть с подругой и с этой холодной стеклянной льдинкой?

Мы сидим с подругой за столиком в кафе, слушаем музыку. Вспоминаем такое далёкое, но очень близкое детство.

– Мань, а ты помнишь? – Я тереблю рукой бусы.

– А то! – не даёт мне закончить подруга. – На всю жизнь запомнила!

Она вытягивает из-под ворота глухой водолазки серебряную цепочку с хрустальным кулоном-бусиной. Той самой.

Кораблик

Мне лет пять или шесть было, не больше. Отец привёз меня на лето в деревню к бабушке. Мы выгружаем из машины коробки с вещами – снедью, игрушками, книгами, затем обедаем и отдыхаем с дороги, потом отец собирается назад, в город.

Мы с бабулей стоим у раскрытого окна, машем ему рукой.

У кособокого дома напротив стоит мальчишка – на вид чуть старше меня. Длинный, несуразный, в широкой, похоже, с чужого плеча, одежде. Он смотрит на нас грустными глазами и чего-то ждёт. Отец подходит к нему, здоровается – по-взрослому – за руку, достаёт из кармана деньги, протягивает. Мальчик, опустив голову, берёт их и быстро убегает в дом.

– Ба, чей это дом, кто это?

– Дом-то... Петровны – чтоб ей неладно... – Бабуля зачем-то косится на фотографию деда, что на стене в деревянной рамке, охает и быстро крестится на Богородицу в правом углу комнаты. – А мальчонка-то Стёпушка – Петровны внучок, сиротинушка. Один-единёшенек теперь, после аварии-то. Как родителей-то не стало, его у Петровны отобрать хотели да в детский дом, а она не дала, отстояла, хоть и старая уже совсем. Теперь вот вдвоём мыкаются, – бабуля вздыхает.

* * *

С утра идёт тёплый летний дождь, не дождь – ливень. Вода заполняет улицу. Ручьями она несётся вниз к большой яме, где превращается в огромную лужу. Не лужа – море.

– Бабушка, где мои резиновые сапоги? – кричу я на весь дом. – Доставай скорее, пока лужа не высохла.

Я делаю из спичечного коробка, зубной палочки и листка бумаги корабль и бегу с ним на улицу.

В бурлящей воде моя шхуна стремительно несётся вперёд, а я бегу за ней. Мы обходим все камни и щепки на своём пути. А когда шхуна садится на мель, попадает в водоворот или застревает в подводных скалах, отважный капитан принимает решение на себя и обходит препятствие.

Но вдруг на пути возникает новая преграда – мужские сапоги перекрывают ручей. Кораблик останавливается.

В этих не по-детски больших сапогах стоит Степан. Он улыбается мне.

– Отойди! – кричу я на него. – Видишь, у меня приключение и надо плыть дальше. Впереди меня ждут великие дела и большие открытия.

– Можно и мне с тобой? – застенчиво спрашивает Степан.

– Вот ещё, зачем ты мне нужен?

– Тогда я буду пиратом и сейчас захвачу твой корабль, сдавайся! – Степан поднимает ногу и хочет раздавить шхуну.

– Не смей, там люди и капитан, они погибнут! – кричу я и добавляю: – Поди прочь... безотцовщина...

Мальчик нелепо взмахивает руками, теряет равновесие и падает навзничь; опирается на руки, садится, оказавшись в центре большой, но неглубокой лужи, размазывает по щекам грязную воду, раскачивается из стороны в сторону и скулит:

– Ма... ма... мамочка моя... ма... ма... мамочка моя...

– Ты это что... ты это... зачем... ты это брось... не плачь, не надо. – Я бью себя ладошками по губам. – Я ведь не нарочно, случайно вышло, я больше так не буду, никогда, слышишь, никогда... Вставай скорее, вода-то холодная, простудишься.

Я протягиваю Степану руку, но спотыкаюсь и тоже падаю в лужу.

– Так мне и надо, так и надо, как я мог, как мог произнести такое... и как мне теперь быть с этим... А отец... что скажет он, если узнает... А-а-а-а, – рыдаю я в голос.

– Ой, припечёт от бабулечки, ой, припечёт... и одежду совсем попортил, – по-стариковски причитает Степашка.

Я смотрю на лужу – кораблик попадает в водоворот, заваливается на бок и идёт ко дну. Команда и капитан не успевают выбраться за борт. Это конец.

Мы сидим со Степаном в луже и плачем, каждый о своём...

Сработало

Нам математичка назавтра контрольную по геометрии объявила. Первым уроком! Вот же зануда! А я из геометрии только про биссектрисы, параллели, углы и всякое такое – и то с трудом помню.

То ли дело история! Там я даты всех сражений знаю, и кто и когда из Романовых в России правил. Вот только сведения эти мне в геометрии никак не помогут, поэтому я твёрдо решил сразу после просмотра детектива по телеку засесть за учебник. Правда, фильм закончился ближе к полуночи, а я знаю, что здоровый сон важнее всего, а утро вечера мудренее...

– Ма, – просипел я с утра, – что-то у меня горло болит, – и для страховки добавил: – И вот тут тянет, – я указал рукой на свой правый бок, – аппендицит, наверное.

Мама сунула мне под мышку градусник и открыла мой портфель, а я загрустил, поняв ход её мыслей.

– Та-а-а-к, что там у тебя сегодня... – не обращая на меня внимания, мама извлекла из портфеля дневник и посмотрела расписание. – Понятно. Вставай, одевайся, завтракай и марш в школу.

Как последний спасательный круг я выдавил:

– Да я всё равно уже опоздал.

– На автобусе успеешь, – безжалостно утопила мой «круг» мама и выдала вместо него пятак на дорогу.

На остановке я поставил портфель между ног на мёрзлую землю, потуже затянул шарф, чтобы промозглый ветер не кусал меня за шею, и стал придумывать рассказ для учительницы, как я погибал от холода в ожидании автобуса и поэтому меня надо пожалеть, а не ругать за опоздание.

Но не успел я приступить к обдумыванию сюжета, как к остановке предательски быстро подкатил автобус. Ничего не оставалось, как смириться со своей участью и плыть по течению обстоятельств на этом автобусе.

Я протиснулся к кассе, бросил прощальный взгляд на пятак и с некоторым сожалением пропихнул его в узкую щель кассового аппарата. Он звякнул, как будто всю жизнь мечтал об этом, с весёлым лязгом проскакал по металлическим внутренностям кассы и где-то в глубине её радостно воссоединился со своими сородичами.

Медленно отмотав билет, я посмотрел на цифры и не поверил своим глазам – 555–555! Вот же повезло! Судьба явно протягивает мне руку, такое точно раз в жизни бывает, надо быстрее желание загадывать.

Вот что бы мне такое придумать... Может, новые коньки с клюшкой? Не-е-е-т, мелкогато для такой удачи! Лучше машину в лотерею выиграть... «Волгу», или «Москвич» хотя бы... Мы бы с папкой каждые выходные на рыбалку ездить стали! Но это ж сколько до зимы или до розыгрыша терпеть придётся, а нужно чтобы прямо сейчас сработало.

А в голове прям колесом вертится: «Биссектриса – это такая крыса, которая бегаёт по углам и делит угол пополам», ну прям как заклинило.

Да, машина хорошо, конечно, но это ж билет лотерейный купить надо, потом розыгрыш ждать – и забудешь уже, что загадывал. А контрольная вот она – через две остановки. Я закрыл глаза, на всякий случай скрестил пальцы и шёпотом желание загадал: «Пусть геометрию на первом уроке отменят и никакой тебе контрольной!»

Скатал билет в катышек и проглотил, чтоб никто не заметил.

Он хорошо проглотился, легко – значит, точно желание сбудется.

А на остановке голос противный такой на весь автобус:

– Граждане, приготовьте билетки.

Двери закрылись, не выскочить уже, я боком-боком к задней стал пробираться. Да только контролёрша меня сразу заметила и за рукав ухватила.

– Билет предъявите, – говорит и так ехидно на меня смотрит... Так, наверное, биссектриса выглядит, которая на крысу похожа.

Я голову нагнул и руками по карманам шарю, вроде как билет ищу.

– Карман дырявый, да?

– Да, – говорю, – в подкладке дырка. Был у меня билет, тётенька, хоть у кого спросите, я даже номер запомнил: 555–555.

– Раз был, предъявить изволь.

Тут мужик в шляпе встрепенулся, свой билет из кармана достал.

– Эх, – говорит, – повезло пацану – счастливый билет попался.

Все пассажиры вдруг сразу цифры на своих билетах проверять стали.

– Так ты его съел, что ли? – засмеялся мужик в шляпе и на меня так пристально посмотрел.

– Да, – киваю я головой.

– И что теперь? Почему я ему верить должна? – не унималась злая контролёрша. – Я не рентген, чтобы внутренности его просматривать. Сначала билет предъяви, а потом ешь, если хочешь. Раз я «зайца» поймала, пусть штраф платит, и в отделение его сейчас отведу, и в школу сообщим обязательно, чтоб другим неповадно было. Что это за манеры взяли – билеты глотать...

– Так счастливый же, – засмеялся мужик в шляпе. – Примета такая.

– Вот у меня сейчас под левой пяткой пятак медный лежит, – сказал тщедушный очкарик, что стоял слева. – Я в институт на экзамен еду, сопромат сдавать. – И он снова уткнулся в учебник.

– А я летом горсть сирени с пятью лепестками съела, а осенью замуж вышла, – заулыбалась девушка на переднем сиденье и показала колечко на пальце.

– Я больше не буду, отпустите меня, пожалуйста, – начал канючить я, – у меня контрольная по геометрии на первом уроке, никак опаздывать нельзя, задачи про крыс решать будем, выходить мне сейчас...

– Про крыс? – удивилась контролёрша и отпустила рукав. – Странно... А загадал-то про что? – поинтересовалась она.

– «Волгу» чтобы выиграть и с отцом на рыбалку за щуками ездить, – выдавил я из себя, а про геометрию говорить не стал, но пояснил: – Только счастливый билет обязательно съесть нужно, иначе желание не сбудется.

– «Волгу»? – заинтересовался гражданин в спортивной шапке с помпоном. – Не-е-е, малец, лучше «Ниву» бери, на ней хоть в Гималаи, хоть на Северный полюс, а уж на рыбалку – самое оно, не машина – танк! – И он начал рассказывать соседу что-то там про привод с коробкой передач и проходимость.

– Эх, – покачала головой контролёрша и посмотрела на цифры следующего билетика, – а я дочке на пианино деньги собираю, вот только квартира у нас маленькая – поставить его некуда...

– А вы лучше скрипку купите, – посоветовала толстая тётка в берете, – и размером меньше, и дешевле будет.

– Ой, что вы, что вы! – замахала рукой контролёрша. – У нас соседи снизу нервные очень, от скрипки они точно с ума сойдут...

– Тогда лучше аккордеон – он, конечно, тяжелее скрипки, зато легче пианино, если таскать с собою придётся, – согласилась толстуха.

«Остановка – ”Школа”», – послышалось из кабины водителя, и двери автобуса открылись. – «Следующая: “Консерватория”».

– Ладно, беги уже, математик, – смилостивилась злая контролёрша, – а то и правда опоздаешь, будет тебе по первое число!

– Вовка, – Артём поджидал меня возле школы, – давай быстрее, у нас всё поменялось – первым уроком история будет, звонок уже был...

– Ого! – удивился я и вздохнул с облегчением. – Вот же как быстро сработало! В следующий раз точно машину загадывать буду.

– А геометрию на второй урок перенесли, – «обрадовал» меня друг.

Баю-баюшки-баю

Мне было года четыре, когда мама получила ордер на комнату в коммунальной квартире. Я уже знал, что коммунальная – это когда не родные друг другу люди живут вместе. У каждого есть своя комната, а коридор, кухня и туалет общие.

Наша квартира начиналась с длинного-предлинного коридора, по которому я любил кататься на трёхколёсном велосипеде. Чтобы включить тусклую лампочку под высоким потолком мне приходилось сначала залезать на маленькую скамейку, с неё – на табурет, что стоял возле входной двери.

В первой по коридору комнате никто не жил, и она стояла закрытой. Вторую занимали мы с мамой, третью – глухая баба Луша. На окне в её комнате стояли горшки с цветущей геранью, на стене висели деревянные картины. Мама называла их иконами. В углу, под потолком, горела свеча в стеклянной лампаде. Баба Луша всё время что-то шептала себе под нос, кланялась и крестилась.

Дальше, напротив кухни, жил дед Семён. На стенах его комнаты висели фотографии сына-полярника. Себя дед Семён называл старым Морским Волком. Он курил трубку, носил тельняшку, шаркал ногами по полу и опирался на костыль. Дед был старый, добрый и нисколько не походил на волка.

Мебели в нашей комнате было мало: стол, два стула, шкаф, маленький телевизор с круглой выпуклой линзой и раскладной диван. Мы спали на нём вместе – я у стенки, а мама с краю.

Каждый вечер мама обнимала меня, тихонько похлопывала ладонью по спине и баюкала:

*– Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придёт серенький волчок
И ухватит за бочок.*

Когда я засыпал, мама включала настольную лампу, сверху накрывала её платком и читала учебники. Днём мама работала, а ночью готовилась поступать в институт. Я понимал, как ей трудно, и не капризничал.

В то страшное воскресенье, когда в нашей квартире появился волк, все были дома: баба Луша кланялась иконам, дед Семён жарил на кухне картошку, мама гладила в комнате бельё, а я катался на велике по тёмному коридору.

Вдруг я услышал, как в дверном замке повернулся ключ. Дверь приоткрылась – цепочка не пустила её дальше – и в просвете появилась серая, мохнатая звериная лапа. У неё были чёрные когти. Они схватили металлическую цепь, потянули чуть вверх, в сторону, и цепочка упала.

Я слез с велосипеда и хотел убежать, но ноги почему-то остались на месте.

Дверь распахнулась. Страшный, взъерошенный зверь заслонил дверной проём. Из его пасти, из-под торчащей в стороны шерсти, шёл пар. В открытую дверь повеяло холодом. Чудище растопырило лапы, зарычало и стало приближаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.